

через вторые руки, давать взятку, чтобы ускорить ход имущественного дела своей дочери»).

В обыденном сознании носителей языка слово *взятка* ассоциативно связано с названиями других негативных явлений в социуме: *«По его словам, «в ход шел стандартный набор: лесть, взятки, интриги, угрозы».*

Примеры высказываний из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) показывают, что отношение людей к взяточничеству чаще всего негативное (*«взятка — это преступление», «за взятки сажать надо»*), вызывающее презрение (*обрасти взятками, опуститься до взятки, польститься на взятку*). Но в то же время взятка воспринимается и как нечто необходимое, вынужденное, а поэтому отчасти одобряемое: *«Без взяток ничего не сделать»*; *«Искусственно созданные барьеры преодолеваются только взятками»*. По данным контекстов, человек, в целом осуждая взяточничество и продажность должностных лиц, в сложных ситуациях, будучи заинтересованным в решении своей проблемы, готов прибегнуть к взятке.

© А. А. Упоров
УрФУ, г. Екатеринбург

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *КРАЙНИЙ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Пространственное по своему основному значению прилагательное *крайний* развивает в современном русском языке ряд непространственных значений, появление которых обусловлено как семантикой производящего существительного, так и функциональными особенностями прилагательного. Прилагательное *крайний* является одним из репрезентантов концепта «предел», который, по мнению Е. В. Петрухиной, относится к семантическим доминантам русской языковой картины мира и, как и всякая доминанта, характеризуется «пониженной степенью коммуникативной осознаваемости, то есть может не входить в коммуникативные намерения гово-

рящих, и при этом влияет на употребление и сочетаемость языковых единиц в речи» [1].

Под функционально-семантическим диапазоном понимается совокупность семантических характеристик слова, обуславливающих его употребление в речи. Реализуя в качестве основного топографическое значение ‘находящийся на краю, с краю’ [2], прилагательное *крайний* содержит семантический компонент ‘наблюдатель’, поскольку при использовании в контексте это прилагательное обозначает максимально удаленный от наблюдателя объект в ряду подобных. Например: *В крайнем окне горит свет. Мы дошли до крайней избы.* Перцептивная выделенность «крайнего» как такой точки отсчета, за которой начинается невидимое пространство, обнаруживается в значении ‘наиболее отдаленный, последний, конечный’ (*крайняя точка восточного побережья*). «Крайней» оказывается такая критическая точка, которую нельзя отодвинуть, что порождает значение, в котором пространственное и непространственное значения объединяются, обозначая градационный признак и реализуя семантику интенсивности: ‘последний, предельный, максимальный’ (*крайний срок, крайняя степень*). Вместе с тем сопоставление синонимов «последний» и «крайний» позволяет говорить об их отличиях, заключающихся в акцентировании временного значения у прилагательного *последний* (*последний день месяца, последний урок, приехать последней электричкой*) и, как следствие, его связи с идеей завершения чего-либо. Оценивая ошибочные употребления прилагательного «крайний», которое иногда используется вместо «последний» (особенно в профессиональном жаргоне моряков и альпинистов), В. В. Колесов пишет: «Русское слово [слово «последний». — А. У.] оптимистично, и вовсе не подразумевает окончательности; ряд продолжается, он не закончен, и за последним придет последующий» [3]. Метаязыковые рассуждения относительно пары «*крайний* — *последний*» фиксируют журналисты, цитируя выступление Д. А. Медведева: «Не надо бояться слова “последний”, — отметил премьер. — У нас вот какая-то странная филологическая тенденция — все только “крайние”. “Последние” — это нормально», — добавил Медведев».

Напротив, именно прилагательное «крайний» обозначает некую границу, предел, что определяет его градационную семантику, закрепленную в значении ‘очень сильный, исключительный, чрезвычай-

чайный' (*крайние меры*). В этом значении прилагательное входит в исследуемую нами семантическую группу «Исключительность» [4]. Реализуя данное значение, прилагательное *крайний* выполняет отчасти миромоделирующую функцию и характеризует отрицательно оцениваемый предел (*крайнее возмущение, крайняя нужда, при невозможности употреблений *крайнее счастье, *крайнее богатство*).

Аксиологический потенциал данного прилагательного обнаруживается также в значении 'являющийся наиболее непримиримым, решительным, радикальным (о мнении, направлении и т. п.; о политических группировках)', в котором так же, как и в предшествующих ему лексико-семантических вариантах, наблюдается отклонение от параметрической нормы, что обычно оценивается отрицательно. Например: «*Практически во всех формулировках сущности экстремизма присутствует определение «крайний»: «крайний радикализм», «крайние взгляды», «крайняя деятельность»* (газ.).

Таким образом, прилагательное *крайний* реализует в современном русском языке значения, связанные с выражением некоего экзистенциального предела, исключительности, которая носит деструктивный характер, границы, несоблюдение которой несет опасность.

Примечания

1. Петрухина Е. В. Концепт ПРЕДЕЛА в грамматике и лексике // Русский язык: исторические судьбы и современность : материалы V Межд. конгресса. МГУ, 18–21 марта 2014 г. М., 2014. С. 689.
2. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2008.
3. Колесов В. В. Как наше слово отзовется... М., 2010.
4. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2007.